

ГЛАВА 1 БАР

Туча наполнила на почти круглый диск луны. Фонарь напротив бара остался в полном одиночестве. Питер скользнул вдоль стены, стараясь не попасть под рассеянный желтый свет. Подпрыгнул, цепляясь за металлический каркас, но конструкция не выдержала, и Питер рухнул спиной на испещренный выбоинами асфальт. В лицо, охлаждая, полетела морось. Из ладони брызнула кровь. На грудь что-то шмякнулось — буква «А». Выпав из фразы «Боевой паук», она наконец-то сделала название забегазки более похожим на правду.

— Какого... тут творится? — послышался грохочущий голос. Дверь распахнулась, ударив Питера по ногам. — Бар закрыт.

Из-за двери показалась лысая, похожая на тыкву голова.

Питер вскочил, забыв о боли в спине, и вытер о штаны окровавленную ладонь.

— Ах, это ты, щенок! — Верзила боком протиснулся в проем и осмотрелся в поисках других нарушителей спокойствия.

Питер пожалел, что пришел один. От близнецов, конечно, много шума, но Задира сейчас не помешал бы. Как отвлекающий маневр.

Он пятился, шаркая ногами, и искал кратчайший путь на крышу. Запрыгнуть на мусорный бак, а оттуда по водосточной трубе? Хороший план, но только Питер примерился к прыжку, раздался рев моторов. Пришлось юркнуть за угол.

— Убирайся, пока не накостыляли! — донеслось ему вслед, а улицу уже заполнял гул, напоминающий пчелиный рой. Потом добавился вой тормозов, а после — голоса байкеров.

— Здорово!

— Привет, Худыш. Что за хрень с вывеской? Мне кажется или чего-то не хватает?

— А, это... — Голос человека-тыквы перекрыл общий гул и шум усиливающегося дождя. — Мелкий шкет хулиганит, — прогремел Худыш. — Поймать бы да надрать ему уши.

«Себе надери. И почему нет пожарной лестницы? — думал Питер, осматривая стены. — Косорукий же все-таки разработчик. Придется потом исправить. В моем мире все будет круто», — мысленно рассуждал он, выглядывая из-за угла.

Фары мотоциклов дружно отбросили блики на мокрый асфальт.

Трое и верзила. Не вовремя же вы, парни.

Он обошел здание — голые каменные стены и застрявшие в текстуре квадратные одуванчики под ногами — и выглянул из-за другого угла. Байкеры заваливались в бар, выстроив мотоциклы в ряд.

Дождавшись, пока все скроются за дверью, Питер пододвинул ближе к стене мусорный бак и примял крышкой его содержимое, включая свежий выпуск «Паучьих новостей».

Легкий прыжок.

— Бум.

Черт, не достать.

Скрип бака. Скрежет питбайка по асфальту. Шаг. Подъем.

— Кап-кап-кап, — стук по алюминиевой крышке.

— Тр-р-р-р-р, — миллиарды капель внезапно хлынувшего дождя по черепице.

— Бах! — Дверь открылась явно от удара ногой.

— Э! Ну-ка слезай! — крикнул, выбегая из бара, длинноволосый мужик.

Его пышная шевелюра в две секунды превратилась в мокрые клочья. Край водостока врезался Питеру в кожу. Из раненой ладони потекло. Еще немного, ну. А, черт!

Мужик схватил Питера за ногу и потянул. Сил держаться за острый край трубы не осталось. Питер покатился вниз, но свободной ногой успел ударить байкера по лицу. Тот пошатнулся, выпустил лодыжку. Питер не удержался на мокрой трубе и упал, кувыркнувшись через питбайк. Плечо засаднило.

Из бара вышли еще двое. Тощий рокер с татуированным лицом и выбритыми висками и вальяжный пузан с сигарой во рту и пиджаке на голое тело.

— Не тронь мой байк, упырь! — завизжал тощий, приближаясь. Его голые щиколотки торчали из джинсов, как у подростка, выросшего за лето из своего гардероба.

Питер крутился около мотоцикла, уворачиваясь от неуклюжих замахов длинноволосого, и прикидывал, как согнется пополам нескладная фигура противника, если ударить в нужное место.

— Давай растолкуй ему, Морген, — протянул вальяжный, выпуская струйку дыма под крохотным козырьком над дверью.

— А вот это уже несправедливо, — отозвался Питер, толкая мотоцикл на противников, — двое на одного.

Однако несправедливости сегодня было суждено литься таким же потоком, как этот нескончаемый дождь. Тощий распахнул куртку, и в свете жалкого фонаря черной звездой блеснул пистолет.

Питер подпрыгнул, ударил Моргена ногой, и тот полетел в сторону вместе со своим оружием.

В небе гроыхнуло, а может, это его противник с грохотом влетел головой в мусорный бак.

Длинноволосый замахнулся, кулак размером со средний череп просвистел над головой Питера. Он, присев, дернул здоровяка за ногу, и тот повалился на спину.

Подбежав к шатающемуся Моргену, Питер ударил его по руке, выбивая пушку. Тощий взвизгнул, шлепаясь в лужу.

— Двое на одного, но я с оружием, — констатировал Питер, снимая пистолет с предохранителя.

— Э, ты чего? — промямлил вальяжный и попятился обратно в бар.

Зато в дверях тут же показался человек-тыква, так называемый Худыш. С диким рыком он поднял перед собой ружье.

Трое и ружье против одного с пистолетом. Вновь несправедливо. Выстрел отдал привычной болью в правой руке Питера. Худыш схватился за грудь и растянулся под ногами открывшего дверь пузана.

Все присутствующие проводили взглядами тело человека-тыквы до самого порога.

Морген с криком откатился, губы его задрожали, мокрое от дождя лицо выглядело заплаканным. Длинноволосый, подскочив, получил пулю в бедро и со стоном рухнул в воду. Питер усмехнулся.

А вот теперь справедливо.

Сняв майку, он намотал ее на порезанную руку. Встал на байк, вцепился в острый край водостока, подтянулся и пополз вдоль конька до спутниковой тарелки. Поднялся, держась за штангу, к которой крепилась тарелка, полез в карман за гаечным ключом.

Луна выглянула одним глазом, но, увидев труп около входа в бар, скрылась вновь, не желая становиться свидетелем. Жаль, фонарю не приходилось выбирать, и он продолжал рассеянно смотреть на ручейки крови, бегущие в ливневку. На запах могли стянуться зомболюди. Стоило поторопиться.

Сверкнуло. Затрясло. Искры полетели перед глазами, как новогодний фейерверк. Гром ударил так, что на миг оглушил. Левый глаз пронзила боль. Падая со скользкой крыши, Питер заметил, или ему почудилось, как на месте спутниковой тарелки образовалась дыра, а в ней будто кто-то незнакомый и такой же испуганный, схватившись за голову, падал и исчезал в синем дыму.

ГЛАВА 2

СТАРУШКА

После занятий Венди заскочила в супермаркет. Скользя взглядом по списку, она складывала товары в корзину, пока в кого-то не врезалась.

— О, Ань, это ты! Привет. Как твой реферат?

— Лучше не спрашивай. — Аня закатила глаза. — Голова уже пухнет.

— Забегай ко мне, посмотрим вместе, может, помогу чем?

— А может, я тебе по почте скину?

— Ну давай так.

— Ого ты набрала! — оценила подружка корзину.

— Это для старушки. Я ей помогаю.

— А далеко?

— Да нет, в пятиэтажке через дорогу.

Зоя Павловна долго не подходила к домофону, наконец что-то щелкнуло, и скрипучий голос произнес, словно обвиняя:

— Это ты, Ванесса?

— Я, Зоя Павловна, здравствуйте! — крикнула Венди.

— Полчаса тебя жду, а ты знаешь, я не могу без хлеба.

Аня скривилась.

— Извините, на уроке задержали, — сказала Венди.

— А?

— На уроке задержали!

— На уроке. Учатся все, учатся, а толку... — Фразу оборвал сигнал домофона, и девушки подхватили пакеты.

— Слушай, и так каждый раз? Оно тебе надо? — спросила Аня, остановившись на площадке третьего этажа, чтобы сменить руку. — Еще и лифта нет.

— Я все-таки будущий дипломированный волонтер, — усмехнулась Венди.

— И что? Станешь с дипломом за продуктами бегать?

— А почему нет? Зоя Павловна одна совсем.

— Зато гонора на двоих хватит. Я бы давно высказала.

— Подожди здесь, — шепнула Венди подруге около квартиры на пятом и скользнула в приоткрытую дверь.

Старушка, подбоченившись, встречала ее в прихожей, поглядывая сквозь очки.

— Чек принесла, ученая?

— Да, вот.

Пока та сверялась со списком продуктов, Аня мерила коридор звонкими шагами, и Венди покашливала и переминалась на месте, чтобы старушка не услышала посторонних звуков из-за двери.

— Чего топчешься? На свидание опаздываешь, поди?

— Ага.

— А «три в одном» где? Я могу пить кофе только со сливками.

— Зоя Павловна, не было, на неделе занесу, извините, спешу, до свидания, — затараторила Венди, спиной выскользнула за дверь и захлопнула ее под ворчание старушки:

— Учат их, учат, научить не могут.

Всю дорогу Аня выносила мозг по поводу того, что надо быть смелее и отстаивать свои интересы, не позволять людям помыкать собой.

Легко судить со стороны. А пойдя скажи человеку, который в пять раз тебя старше, что он не прав. Старушку это может ранить, а с нее, Венди, не убудет. На этом подружки и разбежались. Уже стемнело, и Венди торопилась, Димон же не в состоянии приготовить себе ужин и наверняка еще не обедал.

— Как здоровье, тетя Люба, давление не скачет? — спросила она у соседки, которая гуляла с внучкой около подъезда.

— Ничего, дочка, скриплю потихоньку, — ответила та. — Вон Сашка засидеться не дает, а упрямая, сил нет. Варезки чего опять сняла?

— Сашка, на конфету, — сказала Венди, присев на корточки рядом с девочкой. — Ой, а руки-то ледяные! Давай-ка конфету — в рот, а пальчики — в варезки. Договорились? Вот и умница.

Потрепав малышку по шапке, Венди вошла в подъезд. Пахнуло горелой проводкой.

«Надо в жилищное позвонить», — подумала она, открыла дверь и попятилась. В квартире стоял синий туман.

— Димон! — закричала Венди с порога, бросая сумку, скидывая на ходу куртку и сапоги. — Ты что так надымил?

Тишина.

— Ты дома? — спросила она, заглянув в комнату брата, и остолбенела.

Брат лежал на полу, а на письменном столе искрил и потрескивал монитор. Венди похолодела.

— Дим! Димон! Ты живой? — Она упала на колени, взяла в дрожащие ладони лицо брата, приложила пальцы к шее, нащупала пульс. У самой едва не выпрыгивало из груди сердце, но вот показалось, что-то трепыхается под ее пальцами.

Димон закряхтел, поднял руку. Ощупал слипшиеся кудри на голове, потом лицо и принялся шарить по полу в поисках очков.

Венди с облегчением вздохнула.

— Что случилось, Дим? Твои эксперименты когда-нибудь плохо кончатся, — сказала она, подавая брату очки, одна линза которых треснула.

— Вот косяк, — проворчал тот, потирая лоб. — Хрен его знает, сам не понял. Вспыхнуло все.

— Вспыхнуло у него, — возмущалась Венди, открывая настежь окна. — Что родителям скажешь, как приедут?

Они жили вдвоем, мама с папой съехали за город. Димон, по их мнению, был уже достаточно взрослым, потому что учился на третьем курсе факультета цифровых технологий, а Ванесса — с детства сознательной и погруженной в учебу настолько, что и без их помощи окончит школу и поступит в любой вуз, какой пожелает.

— Да починю я, не паникуй, — попытался успокоить ее брат, вставая и оценивая масштаб катастрофы.